

Во власти черных птиц

Сан-Диего, 1918 год. Грипп-убийца, «испанка», и Первая мировая война собирают урожай погибших. Мир оказывается на грани апокалипсиса. Американцы бродят по улицам в марлевых масках, а правительство отправляет молодых парней на передовые линии фронта. Царит атмосфера страха и растерянности.

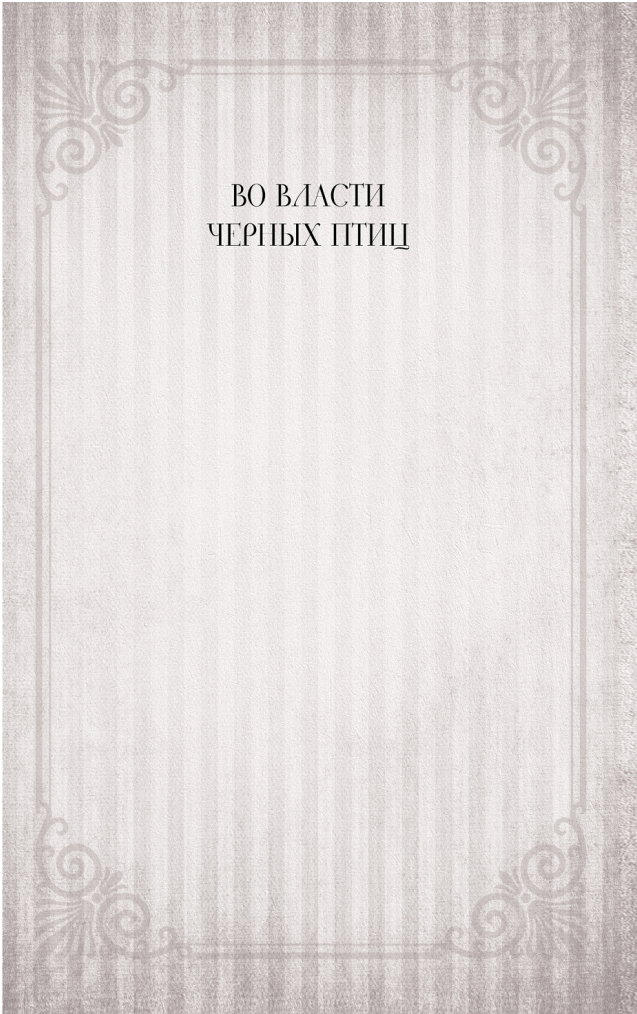
Шестнадцатилетняя Мэри Шелли Блэк видит, как люди, потерявшие близких, пытаются найти ответы и утешение в спиритических сеансах. Девушка не верит в призраков, доверяя научным фактам. Все меняется, когда погибший на войне любимый возвращается к Мэри... как дух. Бесплотный отголосок человека, которого любила девушка. Чего он хочет от нее? Что происходит в этом городе? Неужели призраки действительно существуют? Мэри должна понять, зачем ее любимый вернулся с того света и какую участь сулит ей его загадочное и жуткое возвращение...

КЭТ УИНТЕРС

ВО ВЛАСТИ
ЧЕРНЫХ ПТИЦ

КСД

ВО ВЛАСТИ
ЧЕРНЫХ ПТИЦ

CAT WINTERS

IN THE SHADOW
OF BLACKBIRDS

A NOVEL

Amulet Books

КЭТ УИНТЕРС

ВО ВЛАСТИ
ЧЕРНЫХ ПТИЦ

РОМАН

ХАРЬКОВ
2022!КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2022

ISBN 978-617-12-9401-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Переведено по изданию: Winters C. In the Shadow of Blackbirds / Cat Winters. — New York : Amulet Books, 2013. — 285 p.

Перевод с английского *Елены Боровой*

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

Сан-Дієго, 1918 рік. Грiп-убивця, «іспанка», і Перша світова війна збирають урожай загиблих. Світ на межі апокаліпсису. Американці блукають вулицями в масках, а уряд відправляє чоловіків на фронт. Панує атмосфера страху та розгубленості. Шістнадцятирічна Мері Шеллі Блек бачить, як люди, що втратили близьких, намагаються знайти розраду в спиритичних сеансах. Дівчина не вірить у привидів, довіряючи науковим фактам. Усе змінюється, коли загиблий на війні коханий повертається до Мері... як дух. Безтілесний відгомін людини, яку кохала дівчина. Чого він хоче від неї? Що коїться в цьому місті? Невже примари дійсно існують? Мері має зрозуміти, навіщо її коханий повернувся з потойбічного світу і яку долю обіцяє їй його загадкове та моторошне повернення...

Уинтерс К.

УЗ7 Во власти черных птиц : роман / Кэт Уинтерс ; пер. с англ. Е. Боровой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2022. — 400 с.

ISBN 978-617-12-9269-7

ISBN 978-1-4197-0530-4 (англ.)

Сан-Диего, 1918 год. Первая мировая война и грипп-убийца, «испанка», собирают урожай погибших. Мир на грани апокалипсиса. Люди ходят по улицам в масках, а правительство отправляет мужчин на фронт. Царит атмосфера страха и растерянности. Шестнадцатилетняя Мэри Шелли Блэк видит, как люди, потерявшие близких, пытаются найти утешение в спиритических сеансах. Девушка не верит в призраков, доверяя научным фактам. Все меняется, когда погибший на войне любимый возвращается к Мэри... как дух. Бесплотный отголосок человека, которого любила девушка. Чего он хочет от нее? Что происходит в этом городе? Неужели призраки действительно существуют? Мэри должна понять, зачем ее любимый вернулся с того света и какую участь сулит ей его загадочное и жуткое появление...

УДК 821.111

© Catherine Karp, 2013

© Depositphotos.com / ALASKA68, digiselector, Rangizzz, everett225, обложка, 2022

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2022

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2022

*Адаму, Мегги и Итану,
которые терпеливо делят меня
с моими персонажами*

Портленд, Орегон, 16 октября 1918 года

Войдя в вагон поезда, я почувствовала на себе пристальные взгляды трех дюжин пар глаз. Носы и рты пассажиров были скрыты марлевыми повязками. Сквозь запах ткани моей повязки я почувствовала запах вареного лука и чего-то липкого и кислого, возможно страха.

«Не останавливайся», — сказала я себе.

Несмотря на дрожь в ногах, обутых в скаутские ботинки на тот случай, если мне придется быстро бежать, я заставила себя пройти вперед. Моя тяжелая поступь привлекла нежелательное внимание. Как минимум один человек вскинул брови, но никто не произнес ни слова.

— Доброе утро, — обратилась я к женщине, голову которой обрамляло облачко черных кудряшек, придававших ей сходство с пуделем.

— Доброе, — пробормотала женщина в маску.

Как я и ожидала, все вскоре утратили ко мне интерес и снова занялись своими делами. Я была всего лишь здоровой с виду шестнадцатилетней девушкой в темно-синем платье, не походила на иностранного шпиона и явно не болела гриппом. Следовательно, не представляла угрозы.

Темно-серые дорожные костюмы в сочетании с белыми хлопковыми масками придавали людям в вагоне сюрреалистический вид, который немного нарушал резкий запах лука, доносившийся из вагона-ресторана. Я представила себе поваров, торопливо измельчающих ароматные луковицы в отчаянной попытке не позволить гриппу захватить поезд. Их глаза слезятся, со лба капает пот. Я моргнула, смахивая появившиеся на глазах от жгучего аромата слезы, и заняла единственное свободное место рядом с женщиной средних лет, плотного сложения, с полными руками и кустистыми бровями. На шее у нее висел противогриппозный мешочек, от которого так несло медикаментами, что эта вонь забивала даже запах лука.

— Привет. — Она потерла мешочек и оглядела меня с ног до головы. — Я миссис Питерс.

— Я... — Поставив кожаную сумку себе на колени, я представилась ей коротко: — Мэри.

Шуршащие вокруг газеты, скорее всего, содержали статью о моем отце, и я представила, что в ней говорилось обо мне: «Вчера вечером во время ареста в доме также находилась дочь мистера Блэка, Мэри Шелли. Похоже, девочке дали имя в честь автора некоего романа ужасов с необычным немецким названием: Франкенштейн».

— Это докторская сумка? — спросила миссис Питерс.

— Да. — Я крепче прижала к себе саквояж. — Это сумка моей мамы.

— Твоя мама была врачом?

— Самым лучшим в округе.

— Жаль, что она не с нами в этом поезде. — Миссис Питерс обвела взглядом пассажиров. — Не знаю, что будет, если кто-нибудь ляжет в пути. Спасать нас будет некому.

— Если мы заболеем, нас, скорее всего, просто выбросят из поезда на следующей станции.

Наморщив лоб, она возмутилась:

— Как можно говорить такие в высшей степени неприятные вещи! Я повернулась, слегка отодвинувшись от нее.

— Если вы не против, я бы не хотела говорить о гриппе.

Миссис Питерс раздраженно сказала:

— Как ты можешь о нем не говорить? Мы ведь даже разговариваем сквозь марлевые повязки. Нас набили сюда, как беспомощных...

— Прошу вас, мэм, перестаньте говорить об этом. У меня и других проблем хватает.

Она немного отодвинулась от меня:

— Надеюсь, ты не распространяешь микробы.

— Надеюсь, вы тоже.

Я откинулась на деревянную спинку и попыталась расслабиться, не обращая внимания на происходящее и тошноту, преследующую меня с момента ареста отца. У меня в голове, подобно гротескным кадрам на экране кинотеатра, всплывали воспоминания о том, как чиновники били отца в живот, называя его предателем.

Раздалось шипение: пар окутал вагон. Пол у меня под ногами завибрировал. Руки и колени задрожали, а зубы застучали, как будто с лихорадочной поспешностью подавая сигнал бедствия: цок-цок-цок-ЦОК-ЦОК-ЦОК-цок-цок-цок.

Чтобы отвлечься, я расстегнула металлическую защелку саквояжа и вытащила пачку писем, связанную синей лентой для волос со слегка растрепавшимися концами. Вынув верхний хрустящий, кремового цвета конверт, я достала из него письмо и погрузилась в чтение.

29 июня, 1918 года

Моя дорогая Мэри Шелли!

Я прибыл сюда четыре дня назад. Наши письма подвергаются цензуре, поэтому письмо будет скучным. Они вымарают все, что может указывать на мое местонахождение, и я буду похож на детектива из романа о Шерлоке Холмсе. К примеру: я нахожусь в □□□□□□, а вскоре собираюсь в □□□□□□. Сплошные загадки, верно?

Я получил твое письмо. Слова, написанные твоей рукой, заставили мое сердце биться чаще, но я очень огорчен, что ты так и не получила моей посылки. Она должна была прийти почти два месяца назад. Скорее всего, в этом виноват мой брат. Но я напишу маме. Возможно, она знает, отправлена ли посылка, и если да, то когда.

Я также получил твою фотографию. Спасибо огромное, Шелл. Это фото так много для меня значит. Я смотрю на твое лицо, и мне не верится, что малышка Мэри Шелли Блэк, забавная подружка моего детства и преданный друг по переписке, стала такой красавицей. Я отдал бы все, что угодно, лишь бы снова настал апрель, когда ты приехала, и быть с тобой. Стоит мне закрыть глаза, как я снова ощущаю вкус твоих губ и чувствую, как скользят по моей коже твои длинные каштановые волосы. Мне так хочется снова прижать тебя к себе.

Иногда я помимо воли начинаю думать о том, как бы все сложилось, если бы я не уехал, когда мне было четырнадцать. Что, если бы мой дедушка не умер и мои родители не поспешили переехать вместе с нами в его дом на острове? Были бы мы с тобой так же близки? Сблизились бы мы еще больше... или, наоборот, отделились друг от друга? В любом случае я чувствую, что меня многого лишили, отняв возможность общаться с тобой.

Не беспокойся обо мне, Шелл. Я приехал сюда по собственному желанию, а значит, что бы со мной ни произошло, я сам буду в этом виноват. В письме ты написала, что сожалеешь о том, что не смогла

помешать мне отправиться на войну, когда мы были вместе в апреле. Я твердо решил, что должен это сделать, и тебе лучше, чем кому-либо еще, известно, что иногда я могу быть таким же упрямым, как ты.

Пиши, буду ждать. Если сможешь, пришли мне парочку книг.

*Скучаю по тебе.
Любящий тебя Стивен*

На сиденье передо мной кто-то чихнул.

Я вздрогнула от неожиданности, широко раскрыла глаза, и письмо Стивена упало мне на колени. Все резко повернули головы в сторону худенькой рыжеволосой женщины, которая чихнула еще раз. Мои губы приоткрылись, чтобы произнести запрещенное слово —

*gesundheit*¹, — но я промолчала.

— У моей жены аллергия! — поспешил объяснить спутник женщины, мужчина с вьющимися светлыми волосами, напоминающими картофельное пюре. Он придвинулся к жене и поправил ей маску. — Это не грипп. Не смотрите на нее так.

Однако люди продолжали настороженно смотреть на женщину.

В этот момент поезд тронулся, всех потревожив. Его пронзительный свист рассеялся в октябрьской дымке. Я спрятала письмо Стивена в сумку и уставилась на проплывающие мимо кирпичные здания, а между ними — красные и янтарно-желтые пятна деревьев, напоминающие о том, по чему я больше всего буду скучать, покинув Портленд. Осень с ее ароматами горящих листьев, специй для глинтвейна и ярко-оранжевыми тыквами в магазинчике моего отца всегда была моим любимым временем года.

Вскоре в окна забарабанил дождь.

Мир снаружи стал серым.

Сидящая рядом со мной миссис Питерс, сдвинув брови, сверлила взглядом чихнувшую даму.

— Из-за этой женщины к тому времени, как выйдем из поезда, мы все будем мертвы.

Я чуть не сказала, что если мы будем мертвы, то из поезда точно не выйдем. Но снова стиснула зубы и промолчала, что всегда давалось мне с большим трудом.

Все вокруг сидели неподвижно, источая запахи лечебных народных средств. Вонь от медицинского мешочка моей соседки и чьей-то жвачки с ароматом чеснока пробивалась даже через четырехслойный барьер моей маски. Стук колес поезда заменял дорожные разговоры.

Мне казалось, что я сплю. Что стоит мне открыть глаза, и этот жуткий-жуткий кошмар окончится. Я впилась ногтями в ладони в надежде проснуться, но ощутила боль, а на ладонях остались полукруглые вмятины. Я не спала.

В таком случае я, должно быть, перенеслась в будущее и очутилась в мире, подобном описываемому Гербертом Уэллсом, — в этом ужасающем фантастическом мире лица людей наполовину были скрыты масками, виднелись только глаза, миллионы здоровых молодых людей и детей умирали от гриппа, юношей увозили из страны на верную смерть, а власти арестовывали граждан за неправильные слова. Такое место не могло существовать в реальности. И это не могли быть Соединенные Штаты Америки — «земля свободных и дом смелых людей».

Однако это было именно так.

Я ехала в поезде по родной стране, и это происходило в год, сотворенный дьяволом.

1918-й.

[1](#) Будьте здоровы (нем.). (Здесь и далее примеч. перев.)

Сан-Диего, Калифорния. 18 октября 1918 года

Тетя Эва не встретила меня на железнодорожной платформе, когда я приехала, что могло означать одно из трех: она опаздывала, она не получила моей телеграммы или заболела гриппом. Третий вариант приводил меня в тоску и ужас, поэтому я постаралась выбросить его из головы.

Я ссутулилась на жесткой неудобной скамье вокзала Санта-Фе, разглядывая белые гипсовые арки под потолком, подобные лишенным цвета радугам. Надо мной свисали гигантские электрические колеса-лампы. Они были такими тяжелыми, что крепились к аркам огромным количеством железных цепей. Морской бриз наполнял вокзал ароматами соли и рыбы, от которых мой пустой живот начал урчать. После путешествия в более чем тысячу миль у меня болела спина, а мозг отчаянно нуждался во сне. Но мне оставалось только сидеть и ждать.

Плакаты, которыми были увешаны сине-золотые мозаичные стены, сменились со времени моего последнего приезда сюда шесть месяцев назад. Тогда, в апреле, надписи яркого красного, белого и синего цвета провозглашали устрашающие лозунги, призванные сплотить нас в борьбе с немцами:

БЕЙ ГАНСОВ ОБЛИГАЦИЯМИ СВОБОДЫ!²
ДАЙТЕ ЖАРУ! НЕ ЖАЛЕЙТЕ СИЛ!
ТЫ 100 % АМЕРИКАНЕЦ? ДОКАЖИ ЭТО!
НЕ ЧИТАЙ ИСТОРИЮ АМЕРИКИ — ТВОРИ ЕЕ!

Я помню, как тетя Эва ворчала что-то о «сомнительном вкусе», ведя меня мимо плаката с изображением символизирующей Германию гориллы с разинутой пастью, которая сжимала в лапах златовласую полуобнаженную деву. «УНИЧТОЖЬ ЭТОГО БЕЗУМНОГО ЗВЕРЯ! ВСТУПИ В АРМИЮ США!» — было написано на нем.

Не считая одного плаката, призывающего идти во флот, все агитационные лозунги теперь исчезли, сменившись белоснежными листовками, предостерегающими не кашлять, не чихать и не плевать в общественных местах. Со всех сторон меня окружали слова ГРИПП

и ЭПИДЕМИЯ, написанные жирными черными буквами, как будто мы могли забыть о том, что живем во время чумы.

Я ждала тетю Эву уже полчаса. Прибыл еще один поезд, полный новобранцев в армию США, которые направлялись на военную базу Кэмп-Кирни на севере Сан-Диего. Офицеры в оливкового цвета кителях и штанах галифе забегали, выкрикивая приказы, и спустя некоторое время промаршировали по вокзалу в сопровождении колонны молчаливых молодых людей, облаченных в лучшие воскресные костюмы и противогриппозные маски. Парни были совсем юными — большинству, наверное, не исполнилось и девятнадцати, поскольку призывной возраст, который раньше составлял двадцать один год, недавно снизили. Некоторые из них заметили меня, и их глаза вспыхнули, несмотря на то что я, обмякнув на скамье в своей уродливой маске, больше всего напоминала мешок картошки.

— Привет, куколка! — окликнул меня коренастый светловолосый юноша.

— Эй, красотка! — проворковал тощий юнец в черных, слишком длинных для его ног штанах. — Как насчет поцелуя для солдата?

Некоторые молодые люди засвистели, и офицерам пришлось окрикнуть их, напомнив, что они уважаемые солдаты армии США.

Внимание мальчишек мне ничуть не польстило. В равной степени я не почувствовала себя задетой. Скорее они напомнили мне, как выглядел Стивен в последний раз, когда я его видела, — в его карих глазах странным образом светились одновременно отвага и страх.

Глядя в окно, я смотрела, как парней ведут к веренице зеленых военных грузовиков, с включенными двигателями ожидавших на дороге. Призывники взбирались под плотный брезент с точностью пуль, заряжаемых в магазин пистолета. Грузовикам предстояло доставить их в тренировочный лагерь, вне всякого сомнения переполненный лихорадящими жертвами гриппа. Парнишки, которые не болеют, научатся убивать других молодых парней, которые, вероятно, в этот самый момент прибывали на немецкий вокзал в своей лучшей воскресной одежде.

«Перестань так думать, — одернула я себя. — За это они забрали папу. Ты не можешь позволить себе думать, как он».

Я поджала ноги и прислонилась головой к черному маминому саквоюжу. Вокзал вокруг меня опустел и погрузился в тишину,

прерываемую только воем сирен карет скорой помощи, проезжающих по городским улицам.

Я задремала.

Погрузилась в смутный сон о папе, который готовил суп с ароматом, царящим на консервных заводах Сан-Диего. И вдруг услышала голос тети Эвы, окликнувшей меня по имени. Открыв глаза, я увидела, что ко мне идет невысокий молоджавый мужчина в серой рабочей одежде, ступая по кафельному полу испачканными в мазут ботинками.

Никакой тети Эвы. Должно быть, ее голос мне приснился.

Я снова закрыла глаза, и тут кто-то снова произнес:

— Мэри Шелли.

Я оперлась на локоть, пытаясь проснуться. Невысокий мужчина подошел ко мне. Его шаги гулким эхом разнеслись по пустому вокзалу. Над медицинской маской на его лице блестели знакомые мне круглые очки. Из-под фуражки выглядывали короткие светлые волосы.

Я вскочила:

— Тетя Эва?

— Прости, я так опоздала. Меня не отпустили пораньше, как я рассчитывала. — Она остановилась в нескольких метрах от меня и вытерла грязные руки о штаны. — Я не буду тебя обнимать, потому что вся в грязи. К тому же ты ехала в поезде с кучей других людей. Как только доберемся домой, посадим тебя в горячую ванну, чтобы смыть все микробы.

— Почему ты так одета?

— Что? Разве я тебе не говорила, что после смерти Уилфреда я начала работать на верфи?

— Нет. В своих письмах ты не обмолвилась об этом ни словом. Господи помилуй! — Я не выдержала и расхохоталась. — Утонченная тетя Эва строит боевые корабли.

— Не смейся, это хорошая работа. Помогает забыть обо всех бедах. Все мужчины ушли на войну, и нам, женщинам, пришлось занять их места. — Она подхватила мой окованный железом чемодан с такой легкостью, что стало ясно: эти тонкие ручки снабжены мощными бицепсами. — Надеюсь, ты в силах дойти до моего дома. Я избегаю зараженного воздуха в общественном транспорте.

— А на фабрике воздух не зараженный?

— В основном я работаю на улице. А теперь пошли, хватит тут торчать. Бери свою сумку, идем домой.

Я схватила свою черную сумку с сокровищами.

— Мне нравится твоя прическа.

Она проворчала сквозь маску:

— О волосах ни слова. Я подстриглась только потому, что другие девушки сказали, что так лучше для работы. С тех пор как я отрезала волосы, меня не удостоил взглядом ни один мужчина.

Она пошла вперед, и легкость, с которой она несла мой чемодан, говорила об обретенной ею силе.

Я не решилась указать ей на то, что недостаток мужского внимания, вероятнее всего, связан с грязными ботинками и пропотевшей одеждой, а короткие волосы тут ни при чем. Я плелась за ней в своих ботинках, понимая, как странно мы выглядим: две молодые женщины с разницей в возрасте всего в десять лет, чью женственность уничтожила война.

Новобранцы уехали, и на улице перед вокзалом не было ни души, не считая седоволосого мужчины в костюме в тонкую полоску, грузившего свой багаж в салон черного такси. Водитель курил сигарету сквозь дырку в марлевой маске, и запах дыма смешивался с соленым морским воздухом и доносящимися откуда-то ароматами рыбконсервной фабрики. Над головой безупречной невинной синевой сияло небо.

Тетя Эва повела меня на север.

— Город закрыли, чтобы попытаться воспрепятствовать распространению гриппа. Солдат посадили на карантин раньше, чем всех нас, но сейчас церкви, театры и кинотеатры, бани и танцзалы — все закрыто.

— А школы? — с надеждой спросила я.

— Закрыты.

Мои плечи разочарованно опустились.

— Папа сказал мне, что в Сан-Диего грипп будет слабее благодаря теплой погоде. Это было одной из причин, по которой он хотел, чтобы я сюда приехала, если с ним что-то случится.

— К сожалению, здесь, на юге, он тоже приобрел катастрофические масштабы. — Тетя покосилась на меня. — Наверное, тебе будет

скучно, но лучше поскучать, чем умереть. Не забывай постоянно носить маску. Здесь насчет этого очень строго.

— Мне кажется, что хирургическая марля ни от чего не спасает. Единственный результат — это то, что она делает нас всех похожими на инопланетных чудовищ. Мой учитель естествознания, мистер Райт, носил маску и умер точно так же, как и те, кто этого не делал.

Она не ответила, поэтому я брела за ней, обдумывая сказанное. Наши шаги звучали в унисон. Каждые два квартала мы менялись чемоданом и саквояжем. Царящую на улицах тишину нарушало только наше сопение под грузом моих пожитков. Мои нос и подбородок потели под маской. Погода была слишком жаркая для октября.

Пройдя несколько кварталов на север, мы свернули направо на Бич-стрит. У нас за спиной послышался цокот конских копыт, и до меня донеслось такое зловоние, что я с трудом подавила рвотный рефлекс.

— Не смотри, Мэри Шелли. — Тетя Эва вытащила из кармана брюк носовой платок и прижала его к лицу поверх маски. — Смотри себе под ноги.

Но, конечно же, после слов тети Эвы мне захотелось посмотреть на тот ужас, от которого она пыталась меня защитить.

Бросив взгляд через плечо, я увидела повозку, запряженную лошадью, которой управлял изможденный темнокожий мужчина. Его ничего не выражающий взгляд был устремлен на дорогу прямо перед собой. Выгоревший на солнце фургон приближался, и я увидела гору накрытых простынями тел. Пять пар ног — черных, с фиолетовым отливом — свисало с края повозки.

— Я сказала, не смотри! — Тетя Эва сунула мне платок. — Дыши через это.

Не выдержав, я сдернула маску и согнулась над придорожной канавой, избавившись от скудного количества пищи, съеденной мною в поезде.

Тетя Эва уронила чемодан.

— Надень маску. Скорее.

— Мне нужен свежий воздух.

— Из-за этого гриппа свежего воздуха больше нет. Надень маску.

Немедленно.

Я снова надела марлю на нос и вдохнула свое собственное кислое дыхание.

После того как повозка проехала, мы замолчали. Мы продолжали по очереди нести чемодан, когда меня перестало тошнить, но из уважения к мертвым старались сдерживать натужное сопение. Издалека снова донесся вой сирены скорой помощи.

Черные, серые и белые траурные повязки на дверях домов, так же как и в Портленде, говорили о жертвах гриппа. Черная ткань указывала на смерть взрослого, серая — пожилого человека, белая — ребенка. Близнецы Брэндивайн, жившие в Портленде по соседству со мной, не дожили трех месяцев до своего восемнадцатилетия. Их мать, не зная, считать дочерей взрослыми или детьми, сплела косы из черной и белой ткани.

Когда мы повернули налево и углубились в квартал, где жила тетя Эва, застроенный скромными, обшитыми вагонкой домиками, мне вдруг пришло в голову, что однажды моей тете придется вывесить на входную дверь кусок ткани, оповещающий о моей кончине. Меня снова начало подташнивать.

— Каким-то образом в этом квартале нам пока удастся избежать гриппа. — Тетя Эва уже тащила мой чемодан по зацементированной дорожке, ведущей к ее дому. — Я не знаю как, но молю Бога, чтобы мы не заразились.

Я поднялась вслед за ней на крыльцо ее двухэтажного викторианского дома — увеличенной копии кукольного домика с зубчатой желтого цвета наружной обшивкой и декоративными деревянными деталями, напоминающими кружевные салфетки. Коричневая табличка в одном из окон фасада говорила, что жильцы являются ЧЛЕНАМИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ США, и включала официальную эмблему этой организации — красно-бело-синий щит в обрамлении пшеничных колосьев. Эта табличка говорила о том, что тетя Эва в определенные дни по запросу правительства будет отказываться от мяса, муки и сахара, чтобы сэкономить еду для наших солдат и голодающих в Европе, а также о том, что тетя Эва не является шпионом, предателем или опасным иммигрантом, а значит, ее следует оставить в покое.

Я задумалась о том, какой бы сейчас была моя жизнь, если бы мой отец соглашался со всеми атрибутами американской действительности наподобие этой проклятой карточки и предоставил войне идти своим чередом.

Тетя Эва открыла дверь и впустила меня в узкую прихожую, которая, как я почувствовала, едва сняв маску, провонялась луком точно так же, как и поезд. Швейцарские часы с кукушкой сообщили откуда-то из расположенной в задней части дома кухни о том, что уже четыре часа.

Где-то рядом раздался детский голос:

— Кто там?

Я вздрогнула и уронила сумку.

— Кто это?

— Это Оберон. — Тетя Эва с грохотом поставила мой чемодан на вытертые половицы прихожей. — Калифорнийская сорока, которую выходил мой сосед-ветеринар. Его призвали на фронт, а поскольку он холостяк и жил один, я присматриваю за птицей в его отсутствие.

Я вошла в ее лавандовую гостиную слева от прихожей и увидела изумительную черно-белую птицу с заостренным хвостом вдвое длиннее ее туловища. Она сидела на жердочке в высокой куполообразной клетке.

Птица опустила голову, разглядывая меня сквозь бронзовые прутья.

— Кто там?

Я улыбнулась:

— Я Мэри Шелли, по-видимому, твоя сводная кузина. Что еще ты умеешь говорить?

— Он называет свое имя и говорит «Привет», а еще любит свистеть и пищать, — ответила тетя Эва, снимая рабочее пальто. — Ты сможешь познакомиться с ним поближе чуть позже. А сейчас тебе необходимо принять ванну. Сделай воду как можно горячее, чтобы все микробы сварились. А заодно постирай свою маску.

— Хорошо. Потрясающая птица! Мне нравятся эти белые пятна у нее на крыльях и животе.

Я вернулась в прихожую, взяла чемодан и саквояж и уже собиралась подняться наверх, как вдруг увидела себя на бледно-лиловой стене в глубине гостиной.

Это была моя фотография, сделанная в спиритуалистической студии Джулиуса, старшего брата Стивена, во время моего апрельского приезда в Сан-Диего. Я снова опустила багаж на пол и прошла через комнату, чтобы лучше разглядеть снимок.

— Мэри Шелли? — раздался у меня за спиной голос тети.

На черно-белой фотографии мои голубые глаза казались прозрачными, почти как у привидения. Они вызывающе смотрели на меня в упор. Я так скептически отнеслась к тому, что на проявленной фотографии могут быть запечатлены настоящие дүхи, что приложила все усилия к тому, чтобы придать себе упрямый вид. У меня на шее висели серебристые летные очки, хотя Джулиус и тетя Эва хотели, чтобы я их сняла, и я была одета в легкую белую блузку с воротничком и V-образным вырезом.

Я как будто снова слышала слова Джулиуса, произнесенные перед тем, как он меня запечатлел: «Не шевелись. Улыбайся. И призови мертвых».

На проявленном снимке рядом со мной стояла на коленях массивная призрачная фигура, окутанная светлым покрывалом, скрывающим ее голову и тело. Это существо прильнуло к моему стулу и прижалось лбом к подлокотнику, как будто терзаясь мучительной болью либо почтительно мне кланяясь.

— Что ты думаешь о своей фотографии? — Половицы у меня за спиной скрипнули под рабочими башмаками тети Эвы. — Мы же говорили, что если ты согласишься позировать ему для фото, на нем проявится что-то удивительное.

Меня обдало холодом. Вместо того чтобы ответить, я вслух прочла надпись под снимком:

— Мисс Мэри Шелли Блэк и восхищенный дух. В священной студии мистера Джулиуса Эмберса, фотографа-спиритуалиста, обитает красота. — Я резко обернулась к тете. — Джулиус использовал меня для рекламы?

— Эта реклама помогла многим сокрушенным горем людям обрести у него в студии утешение. На этом фото ты выглядишь невероятно красивой. Посмотри, как ему почти удалось передать каштановый оттенок твоих волос.

— Кому какое дело до того, как я выгляжу? Я сижу рядом с подложным духом. Это, наверное, наложенное изображение самого Джулиуса, накрытого белой простыней.

— Это не подделка, Мэри Шелли. Джулиус считает, что твой посетитель, возможно, доказывает, что ты обладаешь ясновидением. Я сказала ему, что мне кажется, ты служишь проводником для увлеченного наукой духа твоей мамы.

— Проводником для ее духа? — фыркнула я. — Ты в своем уме? Мамина любовь к науке, скорее всего, у меня в крови, так же как и унаследованные от нее голубые глаза и форма рта. Именно на эту тему писал свои труды сэр Фрэнсис Гальтон.

Она глубоко вздохнула:

— А сэр Фрэнсис Галлон...

— *Гальтон.*

— Как бы там его ни звали, писал ли он о шестнадцатилетних девочках — *о шестнадцатилетних девочках!* — которые изобретают улучшенный вариант дверного звонка для своих проектов в рамках научных выставок?

— Он писал о том, что интеллект передается по наследству. Видимо, это как раз мой случай. Почему девочка не может быть умной? Это обязательно пытаться истолковать как сверхъестественное явление?

— Я не говорю, что ты не можешь быть умной. Более того, тебе с твоим научным складом ума следовало бы увлечься исследованием сообщения между миром духов и смертных. Это ничем не отличается от загадки телефонных проводов и электрического тока.

Я снова обернулась к фотографии и, прищурившись, присмотрелась к «привидению».

Тетя Эва подошла ближе.

— Джулиус — хороший человек. Сейчас он специализируется на духах павших солдат. Видишь это? — она указала на соседнюю рамочку со статьей из «Сан-Диего ивнинг трибьюн».

Статья от 22 сентября содержала три фотографии одетых в темное людей, вероятно родителей и жен, за спинами которых виднелись силуэты молодых людей в военной форме армии США. На плечах людей покоились призрачные руки. Лица предполагаемых духов были скрыты дымкой.

— Ты все еще ходишь к Джулиусу? — спросила я.

— Сначала я перестала. — В ее голосе послышался холодок. — После того, что произошло в тот день между тобой и Стивеном, я чувствовала себя слишком униженной.

Я вздрогнула.

— Но потом умер Уилфред, — продолжала она, не дав мне вставить ни слова. — Фотография Джулиуса помогла мне справиться с горем.

Она кивнула на маленький снимок, на котором рядом с ней самой был силуэт стройного мужчины, которого можно было бы принять за моего дядю, если смотреть на изображение расконцентрированным взглядом.

— Я чувствовала себя виноватой за то, что не относилась к Уилфреду с достаточным вниманием, когда он так страдал от своей болезни. — Она разгладила фото подушечкой большого пальца. — Но Джулиус и его мать всегда были мне рады и тепло улыбались, когда я приходила в гости. Он уже несколько раз сфотографировал нас с Уилфредом.

— Разумеется, за высокую цену, — пробормотала я.

— Прекрати критиковать Джулиуса. Вот, почитай последний параграф в этой статье из «Трибьюн». — Она постучала по стеклу рамки со статьей грязным от работы на верфи ногтем. — У нас тут есть один фотоэксперт по имени Алоизиус Дарнинг, который разоблачает фотографов-спиритуалистов по всей стране. В Лос-Анджелесе он даже отправил парочку шарлатанов за решетку. Но в работе Джулиуса он не может найти ни следа подделки. Он посещал мою церковь до закрытия на карантин, и я слышала, как он говорит о дүхах Джулиуса.

Я наклонилась к статье и прочла о ловце мошенников:

Мистеру Алоизиусу П. Дарнингу, прославившемуся способностью ловить за руку жуликов, которые подделывают изображения дүхов, по-прежнему не удастся найти ни малейших доказательств того, что мистер Эмберс — шарлатан, к немалой досаде мистера Дарнинга.

— И все равно в это невозможно поверить. — Я покачала головой. — Стивен сказал мне, что все это делишки наркомана и пройдохи.

— Джулиус не наркоман.

— Стивен упоминал опиум.

— Может быть, лгал как раз Стивен? Тебе это не приходило в голову?

Она плюхнулась на разбросанные на диване цветастые подушки и развязала шнурки ботинок, выпустив наружу запах потных ног.

— Стивен всегда завидовал успеху брата.

У меня внутри все оборвалось.

— Почему ты говоришь о нем в прошедшем времени?

— Я хотела сказать... летом батальон Стивена передислоцировали во Францию.

— Я знаю. Мы продолжаем переписываться.

Она побледнела.

— О, Мэри Шелли... — Она вытянула ноги перед собой. — Ты не должна поддерживать с ним контакт. Твой отец об этом знал?

— Он видел, что я получаю письма от Стивена.

— Нет, — произнесла она, — он знает о том, что произошло между вами, когда ты была здесь в прошлый раз?

— Он не знает вымышленной версии, изложенной тебе Джулиусом.

— Зачем Джулиусу лгать о том, что он видел?

— Я еще в апреле рассказала тебе о том, что они поссорились со Стивеном.

Она стянула с ноги правый ботинок, избегая встречаться со мной взглядом.

Я опустилась в кресло-качалку напротив дивана.

— Что сказал тебе Джулиус о местонахождении Стивена? Их мать получала какие-нибудь письма?

— С тех пор как Стивен прибыл в Европу, только одно.

— Когда это было?

— Кажется, в июне или июле.

— Мое последнее письмо от него датировано двадцать девятым июня. Это было сразу после того, как он оказался во Франции. Больше писем не было. — Я положила руки на живот. — Почему он после этого больше никому не писал? Его семья считает, что с ним все в порядке?

Она со стоном сняла второй ботинок.

— Насколько мне известно, да.

— Почему его брат не пошел воевать?

— Призывная комиссия его забраковала. У него плоскостопие.

— О, бедный Джулиус. — Я закатила глаза. — Я уверена, что стопы доставляют ему невыносимые страдания.

— Я искренне надеялась, что шести месяцев тебе хватит, чтобы успокоиться насчет Джулиуса. Он пригласил тебя завтра на еще одну

бесплатную съемку. И у него что-то есть для тебя от Стивена.

— Пакет?

— Ты о нем знаешь?

— Стивен твердит о каком-то пакете, который он попросил свою маму отправить мне перед своим отъездом, но я так ничего и не получила. Почему она его не отослала?

Тетя Эва, не отвечая на мой вопрос, потеряла подошву ноги. На ее черном чулке была огромная дырка. Оберон издал гневный вопль — вне всякого сомнения, чтобы разрядить повисшее в комнате напряжение.

— Тетя Эва, почему она его не отослала?

Лицо тети вспыхнуло.

— Вероятно, миссис Эмберс считала, что эти отношения не пойдут никому из вас на пользу. Вы оба слишком юные для подобной близости, к тому же неженатые, Мэри Шелли. Тебе не следовало оставаться в той комнате наедине со Стивеном.

— Мы не...

— Мне понадобилось два месяца, чтобы решиться встретиться с его семьей. И то я отважилась на это только после того, как миссис Эмберс нашла меня, наткнувшись на некролог Уилфреда.

Я вскочила, намереваясь схватить свои пожитки и сбежать наверх.

— Мэри Шелли...

— Когда я была маленькой, папа следил за тем, чтобы я держалась как можно дальше от брата Стивена. — Я схватила свои вещи. — Но ты ведешь себя так, будто Джулиус святой. Он оболгал нас со Стивеном, а ты его боготворишь.

— Перестань. Прошу тебя, перестань. — Она продолжала массировать свою смрадную стопу. — Я знаю, что ты расстроена из-за Стивена и своего папы, к тому же я всего на десять лет старше тебя...

— Я всего лишь хочу, чтобы ты знала: то, что в тот день произошло между мной и Стивеном, было в тысячу раз невиннее того, что рассказал тебе Джулиус. Умоляю тебя поверить своей собственной плоти и крови, а не этому другу, который наживается на войне и смертях.

Она опустила голову.

— Пожалуйста, тетя Эва.

— Джулиус был так добр ко мне, — произнесла она. — Ты не понимаешь, как трудно быть одной, когда рушится весь мир.

— Нет, понимаю. Еще как понимаю.

Тетя посмотрела на меня, и ее взгляд смягчился. Она отпустила ногу и вздохнула так тяжело, что я почувствовала, как тетя смертельно устала от всего, в том числе от нашего разговора.

Я тоже глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

— Несмотря на эту проблему с Джулиусом, я благодарна за то, что сейчас мы вместе. И я очень ценю то, что ты позволила мне жить здесь, ни словом не обмолвившись о той опасности, которую папа представляет для членов семьи, все еще находящихся в Орегоне.

Она гордо вскинула голову.

— Спасибо. Я переживаю о своих братьях с того самого момента, как во время твоей последней поездки мы увидели, как те люди избивают немца. Такая швейцарско-немецкая фамилия, как Бошерт, теперь внушает некоторым людям страх.

— Знаю. Неумение разбираться в людях — это ужасно.

Она снова занялась своей стопой, сделав вид, что не понимает, что я продолжаю говорить о Джулиусе.

— Мэри Шелли, сними с себя эту одежду, — произнесла она так устало, что мне стало за себя стыдно. — Я наберу тебе ванну. Когда поднимешься наверх, взгляни на тумбочку возле кровати. Я оставила тебе кое-что, что принадлежало Уилфреду.

— Спасибо. — Я откашлялась. — Пойду посмотрю, что там.

Я пошла наверх, грохоча чемоданом по деревянным ступенькам.

Подарок, который она оставила для меня в моей комнате, оказался тяжелым медным морским компасом, заключенным в футляр из красного дерева размером с большую шкатулку для драгоценностей; он достался Уилфреду по наследству от дедушки-моряка. Роскошный прибор.

Пока в трубах редела набегающая в ванну вода, я бродила по комнате с компасом в руках, проверяя, не скрывают ли заклеенные золотистыми обоями стены какого-нибудь металла, достаточно сильного, чтобы повлиять на стрелку. И на короткое время тяга к научным открытиям затмила воспоминания о лицах в масках в поезде, несшем меня на юг, о свисавших из фургона фиолетово-черных ногах, об отце, которого у меня на глазах били по животу,

и о том, что первый юноша, которого я полюбила, рискует жизнью где-то в окопах во Франции.

[2](#) Облигации, которые выпускались в США в годы Первой мировой войны.

Я беспокойно ворочалась, пытаюсь улечься поудобнее на новом месте, отчего пружины матраса жалобно скрипели. Издалека доносился вой сирен карет скорой помощи. Мне не спалось. Мучительно хотелось снова увидеть Стивена, прикоснуться к нему. Солёный воздух, которым я дышала весь день, напомнил мне, что в последний раз мы были вместе всего в нескольких милях от дома тети Эвы — до гриппа, до ареста отца, когда Стивен еще жил дома, — на противоположном берегу бухты.

Я дотянулась до стоявшей на полу черной сумки и достала предпоследнее письмо Стивена. На нем стояла дата — 30 мая 1918 года. Из конверта выпала вложенная им в письмо фотография — портрет, сделанный в студии, куда все новобранцы из Кэмп-Кирни ходили фотографироваться в военной форме. Он был одет в облегающую, застегнутую под самое горло гимнастерку, узкие брюки, заправленные в сапоги до колен, и полевую шляпу с полями, как у рейнджеров, скрывающую его короткие русые волосы. Он стиснул зубы, явно пытаюсь выглядеть на снимке серьезным и решительным, но больше напоминал готового отправиться в лагерь скаута.

Слова, выведенные ровным почерком, поблескивали в ярком свете масляной лампы.

Дорогая Мэри Шелли!

Скоро нас отправят за океан, хотя я только начал подготовку. Очевидно, в Европе в нас отчаянно нуждаются. В ближайшие недели нас посадят в поезд, чтобы доставить на восточное побережье, а затем на корабль, на котором мы пересечем Атлантический океан.

Я все думаю, почему ты не отреагировала на пакет, который я приготовил для тебя утром перед отъездом. Сначала я переживал, что каким-то образом задел тебя своим подарком... или обидел своим поцелуем. Но если бы это было так, ты бы мне прямо об этом сказала, верно? Ты никогда не вела себя ни застенчиво, ни уклончиво. Поэтому я пришел к выводу, что ты его так и не получила.

Если ты на меня не сердишься, я бы очень хотел узнать, как у тебя дела, и получить твою фотографию. Прилагаю адрес армейской почты, по которому ты можешь мне писать, где бы я ни находился, даже на другом континенте. Те твои снимки, которые у меня есть,

были сделаны еще тогда, когда ты носила на голове огромные банты. Кажется, что эти огромные шелковые ленты, будто птицы, вот-вот слетят с твоей макушки. Я изо всех сил стараюсь помнить тебя взрослой: твою обворожительную улыбку и незабываемый взгляд голубых глаз, в которых, казалось, отражалось именно то, что я чувствую.

Если ты не хочешь связывать себя с человеком, отправившимся на войну, я пойму. После того как твоя тетя в тот день поспешно увела тебя из моего дома, после того как Джулиус рассказал неправду о том, что произошло, мать на меня накричала и назвала жестоким. Она напомнила мне, что ты только начинаешь жить, и сказала, что такой умной девушке, как ты, совершенно незачем ломать себе жизнь ради парня, идущего на войну.

Ты можешь меня не ждать, Шелл. Я отдаю себе отчет в том, что тебе лучше жить, не беспокоясь обо мне. Но если все же тебе захочется держать со мной связь, если ты все же думаешь обо мне, я был бы счастлив получать от тебя письма. Я очень по тебе скучаю.

Любящий тебя Стивен

P. S. Жаль, что у меня нет твоих очков, которые, предположительно, дают возможность видеть будущее. Сейчас они бы мне очень пригодились.

Я улыбнулась, прочтя последнюю строчку, и снова склонилась над своей черной сумкой. В глубине одного из боковых карманов лежали мои летние очки с жесткими кожаными ремешками — подарок тети Эвы. Она купила их, чтобы заглушить воспоминания о толпе, избивающей немца на Либерти-Лоун-драйв во время моего последнего приезда. Мы оказались в гуще событий как раз в тот момент, когда полиция уводила пострадавшего, надев на него наручники. Его правый глаз заплыл, а нос и рот превратились в кровавое месиво. Мужчины со вздувшимися на лбу синими венами злобно выкрикивали что-то вроде *чертова немчура* и *проклятый Ганс*, не обращая внимания на женщин и детей.

Я постаралась отогнать воспоминание об этом жестоком эпизоде, надела очки, туго застегнула ремешки и снова откинулась на прохладные простыни, глядя сквозь выпуклые стекла на белый потолок. Письмо Стивена лежало у меня на животе. И хотя оно было

легкое как перышко, я отчетливо ощущала его. Я подумала, что заверения продавца о том, что очки имеют магические свойства, могут быть правдой, как бы абсурдно это ни звучало. Я надеялась увидеть сквозь стеклянные линзы судьбу мира.

Но будущее не открывалось.

Только прошлое.

Я увидела, как двадцать шестого августа выхожу из поезда, чтобы отметить свое шестнадцатилетие в новом городе Стивена... и помочь тете Эве отвлечься от мыслей об угасающем в пансионате для туберкулезников муже. Они с дядей Уилфредом переехали в Сан-Диего в поисках более полезного для него климата, и я воспользовалась этой возможностью повидать ее, а также, возможно, снова встретиться со старым другом. Тогда лица окружающих еще не были скрыты марлевыми масками. Солдаты и матросы, прибывающие сюда для подготовки перед армией, улыбались лучам южнокалифорнийского солнца и хлопали друг друга по спине, как будто приехали в отпуск. В воздухе звенел смех, слышались разговоры о войне, а духовой оркестр играл жизнерадостный мотив «Там, далеко»³.

Тетя Эва встретила меня на платформе в белом кружевном платье длиной до середины икр. Ее белокурые волосы, тогда еще длинные, до талии, были собраны на затылке в блестящие локоны.

Едва мы покинули вокзал, на котором было шумно из-за новобранцев и звуков музыки, я спросила ее:

— Ты, случайно, не виделась с семьей моего друга Стивена Эмберса, после того как переехала сюда?

— Виделась. — Она задела ногой мой покачивающийся чемодан, помочь нести который не предложила. — У Джулиуса теперь семейная фотостудия. Он фотограф-спиритуалист — на его снимках проявляются изображения умерших, которые вернулись, чтобы навестить своих близких.

— Я знаю, — кивнула я, щурясь от палящего солнца. — Стивен упоминал об этом в одном из писем. Мне показалось, он не в восторге от занятия брата. И с тех пор, как их отец скончался в январе, я получила от него только одно письмо. Я очень беспокоюсь за Стивена.

— Я позировала Джулиусу.

— Да ну?

— Пару раз. — Несмотря на отражавшееся в ее круглых очках солнце, я заметила странный огонек, заплывавший в ее карих глазах. — Я увидела его имя в газете, когда он организовал в феврале выставку своих работ, и была просто ошеломлена, увидев его фотографии. По моей просьбе он пытается вызвать твою мать и бабушку Эрнестину.

Я остановилась как вкопанная.

— Моя мама и бабушка Эрнестина проявились... на спиритуалистической фотографии?

— Ну да. — Она искоса взглянула на меня. — Во время трех сеансов Джулиусу удалось снять изображения двух светящихся фигур у меня за спиной, но их лица нам пока полностью не видны. Я сказала ему, что ты очень похожа на мать. Объяснила, что она назвала тебя в честь Мэри Шелли⁴ из любви к науке, и он считает, что тебе, возможно, удастся склонить ее дух материализоваться.

— Что? Нет! — Я с грохотом опустила чемодан на землю. — Папе не понравилось бы, если бы я стала позировать для Джулиуса Эмберса. Джулиуса вечно ловили в школе за выпивкой и курением, и он то и дело ввязывался в драки и всякие переделки.

Тетя Эва шмыгнула носом.

— Он исправился. Теперь он настоящий джентльмен — высокий и красивый, с прекрасными черными волосами. Ему едва исполнилось двадцать два года, а он уже одаренный фотограф-спиритуалист.

От удивления я открыла рот.

— Послушать тебя, так ты в него влюблена!

— Не говори так, Мэри Шелли. Я замужняя женщина, и мой муж смертельно болен. Я просто восхищаюсь работой этого человека.

— Ты покраснела.

— Прекрати. — Она хлопнула меня по плечу затянутой в белую перчатку рукой. — Я записала тебя на сеанс в домашней студии Джулиуса через два дня, и если ты будешь хорошо себя вести, уверена, что сразу после этого ты сможешь увидеть его брата.

Я потерла плечо. При мысли о том, что я буду позировать распутному Джулиусу Эмберсу, находясь в непосредственной близости от него, мне стало противно.

И все же... У меня в руках был входной билет в дом Стивена — билет на допуск к самому Стивену, что полностью соответствовало моим намерениям, когда я выходила из поезда на платформу.

Через два дня мы с тетей Эвой пересекли бухту Сан-Диего, чтобы попасть в дом Эмберсов на острове Коронадо. В Портленде семья Стивена жила в точно таком же районе, как и мы, где дома были расположены очень близко друг к другу.

Однако их новое жилище — летний дом бабушки и дедушки Стивена, унаследованный его семьей в 1914 году, — представляло собой огромное строение на берегу океана, с большими окнами под крышей цвета какао. Рядом возвышалось чудовищное сооружение из кирпича, которое было похоже на Торнфилд-холл, сошедший со страниц романа «Джейн Эйр», или любой другой величественный особняк среди английских пустошей. Входя в этот новый роскошный мир, я чувствовала себя ничтожной песчинкой из бывшей жизни Стивена.

Встретивший нас Джулиус пошутил о том, какой серьезной крошкой он меня запомнил. Он сфотографировал меня в своей ледяной студии в семейной гостиной, а после миссис Эмберс — крупная женщина с черными как смоль волосами, разделенными пробором надвое и уложенными на затылке, — пригласила нас с тетей Эвой на чай в залитой весенним солнцем столовой. Сквозь открытые окна до нас доносился шум бьющихся о берег волн Тихого океана. Тринадцать фотографий пляжей Коронадо украшали обшитые темным деревом стены.

— Где Стивен? — спросила я, не в силах даже притронуться к лимонному пирогу миссис Эмберс.

В предвкушении встречи с ним я потеряла аппетит.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ